

УДК 938

РОДОССКО-ЛИКИЙСКИЙ КОНФЛИКТ (по данным «Илиады» Гомера)

© 2008 г.

А.Н. Горожанова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 27.06.2008

Ликия, расположенная в юго-западной части Малой Азии, была теснейшим образом связана с греческим миром. Статья посвящена изучению процессов взаимодействия античной и ближневосточной культур на примере анализа текста «Илиады» Гомера, где впервые в античной традиции упоминается анатолийский этнос. В эпосе в мифологической форме нашел отражение конфликт ликийцев с Родосом, имевший место предположительно в микенскую эпоху. Выявляется комплекс факторов, которые могли стать причиной данного противостояния.

Ключевые слова: Ликия, Малая Азия, гомеровский эпос, родосско-ликийский конфликт.

Ликия, расположенная в юго-западной части Малой Азии, была теснейшим образом связана с греческим миром и даже рассматривалась как его неотъемлемая часть¹. По всей вероятности, данная территория являлась своеобразной «контактной зоной», сферой взаимодействия, синтеза двух культур, греческой и ближневосточной. Ликийцы неоднократно упоминаются греческими и римскими авторами [1, р. 219–252], произведения которых представляются весьма ценным источником, позволяющим изучать процесс взаимодействия эллинов и анатолийского этноса.

Впервые в античной традиции ликийцы упоминаются в «Илиаде» Гомера. Ликийский контингент² является наиболее могущественным союзником, прибывшим для оказания помощи осажденной Трое³.

В гомеровском эпосе есть весьма интересный фрагмент, когда «блистательный» ликийский царь Сарпедон⁴ вступает в единоборство с Глеполомом, сыном Геракла (II. V. 627), и вождем дорийских колонистов на Родосе (II. V. 629). Эпизод имеет яркую эмоциональную окраску. Речь Гераклида, обращенная к сыну владыки Олимпа, изобилует насмешками, издевательствами, оскорблениями и явно преследует цель унижить противника:

Ликий царь Сарпедон! Какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек, незнакомый
с войною?
Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса
рождением!
Ты же робок душою и предводишь народ
на погибель.
Нет, для троян, я надеюсь, ты обороной не будешь,
Ликию бросил напрасно...

(II. V. 633–645; перевод Н. Гнедича)

Как известно, за текстом литературного произведения предстает историческая реальность в закодированном и деформированном виде. В процессе анализа данного фрагмента «Илиады» возникает ряд закономерных вопросов: отражает этот источник события, имевшие место в действительности, или противостояние следует считать лишь художественным вымыслом, подтверждается ли сообщение другими источниками, каковы возможные причины конфликта Ликии с Родосом. Эпизод «Глеполом – Сарпедон», на первый взгляд, может показаться незначительным, однако он заслуживает пристального внимания, поскольку комплекс других источников, способных пролить свет на ситуацию, сложившуюся на юго-западе Малой Азии в данный период, весьма беден. Произведения, где непосредственно освещалась ликийская история, принадлежавшие перу уроженцев Малой Азии (Александра Полигистора [2], Менекрата из Ксанфа [3, р. 175–178]), дошли до наших дней лишь в виде фрагментов. Корпус надписей на ликийском А и Б недостаточно обширен и разнообразен. Он содержит преимущественно погребальные надписи. Анализ и интерпретация данных эпиграфики осложняются также недостаточной степенью изученности ликийских языков⁵. Эпиграфические материалы, включая греческие надписи из Ликии, относятся к довольно позднему периоду⁶. Археологические данные также немногочисленны, поскольку масштабных археологических изысканий на данной территории не проводилось, а там где раскопки осуществлялись (например, в Ксанфе, Лимире, Тлосе)⁷, были изучены далеко не все слои. Анализируемый фрагмент гомеровского эпоса, как и значи-

тельная часть сведений о ликийцах у других греческих авторов, носит легендарный характер. Религиозно-мифологические сюжеты также могут являться весьма ценным историческим источником, ибо религия была основой духовной, нравственной, идеологической жизни древних обществ, оказывала ощутимое влияние на социальные отношения. Отдельные политические события (например, конфликты с Родосом) и социальные феномены (матрилинейный счет родства) были преломлены сквозь призму мифологической символики и нашли отражение в «Илиаде». Указанные выше факторы делают целесообразным обращение именно к античной традиции.

Противостояние Тлеполема и Сарпедона неоднократно привлекало внимание ученых, занимающихся вопросами гомероведения, и характеризовалось ими как более поздняя вставка [4, s. 559, 575; 5, s. 275; 6, с. 398]. Исследователи единодушно видят в рассказе о поединке сына и внука Зевса эпико-мифический отголосок конфликтов между ликийцами и Родосом, имевших место предположительно в микенскую эпоху⁸. Однако большинство авторов ограничилось лишь констатацией факта, не останавливаясь на анализе причин конфликтов.

Родос, по всей вероятности, являлся первой греческой территорией, имевшей более или менее значительные контакты с Ликией в I тысячелетии до н.э. [1, р. 38]. Рассматривая вопрос о конфликтах ликийцев с Родосом, необходимо акцентировать внимание на замечании схолиаста: «Говорят, что всегда ликийцы враждовали с родосцами» (Eust. Schol. ad Il. V. 639)⁹. Повидимому, истоки враждебных отношений следует искать в характере деятельности ликийцев и населения острова. Торговля играла важную роль в экономике Родоса, и вопрос безопасности торговых путей также имел большое значение [7, с. 255–256].

Уже в письмах из дипломатического архива Тель-эль-Амарны (относящегося к XIV в. до н.э. [1, р. 5–6; 8, с. 283; 9, с. 41–42; 10, s. 292–294; 11, р. 200–203]) упоминаются пиратские племена лукка¹⁰. Нападение на «страну фараонов» (первая половина XIV в. до н.э.) стало своеобразным «продолжением» их сезонных набегов на Аласию (Кипр)¹¹. Египетский фараон Аменхотеп III вынужден был постоянно заботиться об охране побережья и дельты от пиратских нападений лукка¹².

В современной историографии ликийцы считаются анатолийским по происхождению этносом, говорившим на языке, принадлежавшем к индоевропейской группе и тесно связан-

ном с лувийским и хеттским¹³. Исследователи на основании анализа материалов хеттских и египетских источников конца позднего бронзового века неоднократно делали выводы о допустимости отождествления протоликийцев с народом «лукка» (Lukka)¹⁴.

Регулярность нападений наводит на мысль о наличии постоянных или временных баз либо на южном побережье Малой Азии, либо на Кипре. «Хищнические банды ликийских пиратов» нападали на восточное побережье Средиземного моря, дерзко входили в гавани Кипра, грабя города и берега дельты Нила (Амарнские письма, 28) [8, с. 18]. Т.Р. Брайс совершенно справедливо отмечает спорный характер информации этого письма в вопросе о локализации народов лукка в XIV в. до н.э. [1, р. 396]. Но данный документ служит свидетельством их активности¹⁵.

С еще более серьезной опасностью в лице так называемых «народов моря» Египет столкнулся в царствование фараона Мернептаха, в последней четверти XIII века до н.э. [12, р. 238]. «Ни одна страна не устояла против оружия чужестранных народов... их волны шли на Египет и волна огня шла перед ними...»¹⁶. «Народами моря» египтяне именовали группу разнообразных по происхождению племен, определение этнической принадлежности которых представляет большую сложность (Ikws, Trs, Lk, Srdn, Skrs). Однако лукка фиксируются среди «народов моря» с большой долей уверенности [1, р. 397; 13, с. 188; 14, с. 120, 143]. Вероятно, на основании факта включения лукка в этот перечень можно предположить, что они представляли определенную морскую силу в XIII в. до н.э. Хотя рассматриваемый эпизод явился лишь прелюдией к массовым перемещениям, имевшим место в XII в. до н.э., в которых лукка, видимо, роли не играли [1, р. 397]. Эти народы не появляются в египетских источниках после правления Мернептаха (после 1220 г. до н.э.) [15, р. 200]. Подобное исчезновение вызывает недоумение, но следует принять во внимание возможность изменения имен, названий, слияний этнических групп, поглощение их друг другом.

Более поздний источник (фрагмент трактата Гераклида Понтийского) содержит важное известие о древней Ликии: «Ликийцы проводят жизнь, занимаясь пиратством» (Heracl. Pont. frag. 15). Этот отрывок, по мнению О. Тройбера, свидетельствует о войне ликийцев против родосских торговых кораблей [16, s. 104].

К сожалению, аналогичных мотивов в других источниках обнаружить не удалось. Более того, Страбон причисляет ликийцев к народам,

«ведущим цивилизованную и благородную жизнь», противопоставляя их жителям Памфилии, пользовавшимся своими гаванями как опорными пунктами для морского разбоя (Strab. XIV. 3. 2). Но следует учитывать, что информация географа, видимо, относится к более позднему этапу истории Ликии (возможно, к периоду существования ликийского союза – Strab. XIV. 3. 3).

Скорее всего, О. Тройбер прав, видя в сообщении Гераклида родосский источник [16, s. 105]. Сведения об истории Ликии, действительно, могли исходить, прежде всего, от родосцев, территориально близко расположенных, но настроенных весьма враждебно, а это, вероятно, отражалось на характере информации о ликийцах.

Но нарастанию напряженности (столкновения имели место уже в IX–VIII вв. до н.э. [7, с. 248]) способствовал и другой фактор. Ликийцы оказывали сопротивление греческой колонизации в Малой Азии [17, p. 35; 16, s. 89; 18, p. 3]. В то время как северо-западное побережье Малой Азии покрывалось сетью греческих колоний¹⁷, территория Ликии оставалась (в VIII–VII вв. до н.э.) не охваченной этим процессом. Родосцы предпринимали активные попытки укрепиться на юго-западном побережье Малой Азии не только с целью проникновения в плодородные ликийские долины [16, s. 90], но и из соображений, диктуемых торговыми интересами [19, с. 164]. Ярким примером является Фаселида, единственная родосская колония, основанная в VII в. до н.э. на территории Ликии [17, p. 16], вернее, на границе с Памфилией в гористой местности на прибрежном «пяточке» у подножия горы Тахтали-Даг¹⁸. Земледельческая хора непосредственно у города была крайне незначительной, но приблизительно в трех километрах располагалась большая долина реки Барсак [19, с. 164]. Основание Фаселиды на некотором расстоянии от долины, видимо, обусловлено наличием трех хороших гаваней у подножия Тахтали-Дага [7, с. 252]. То есть основание города, вероятно, преследовало прежде всего торговые цели.

В истории торговых отношений Родоса архаического периода Фаселиде отводилась важная роль в силу ее стратегического положения на перекрестке торговых путей. Порт Фаселиды служил для промежуточной остановки кораблей, направлявшихся с Родоса в Киликию и Левант [7, с. 254].

Основание колонии, судя по информации линдийской храмовой хроники, было военным актом. Ликийцы фигурируют в этом источнике

в качестве побежденных врагов, хотя литературная традиция говорит о покупке земли Фаселиды за соленую рыбу [7, с. 251]. Но таким образом, скорее всего, просто объяснялся ритуал фаселитян (ежегодное приношение в дар местному божеству соленой рыбы).

Основание Фаселиды¹⁹, стратегически важного пункта в торговом пути на восток, имевшего большое значение и с точки зрения охраны от пиратов, завершило один из этапов борьбы с ликийцами [7, с. 254].

Исходя из выше изложенного, можно сделать следующие выводы. В «Илиаде» Гомера в эпизоде борьбы Тлеполема и Сарпедона в мифологической форме нашел отражение конфликт ликийцев с Родосом, который мог иметь место уже в микенскую эпоху. Данное противостояние, видимо, было спровоцировано, с одной стороны, пиратскими нападениями ликийцев, а с другой – попытками родосцев укрепиться на юго-западном побережье Малой Азии.

Примечания

1. Ликийские монеты, хранящиеся в Британском музее, первоначально были опубликованы как греческие [20], а скульптуры, привезенные из Ксанфа, хранились в отделе греческих и римских древностей [17, p. 1–2].

2. В гомеровском эпосе ликийцы действуют двумя отрядами: один (во главе с Пандаром) прибыл из Зелеи в Трояде, второй (во главе с Сарпедоном и Главком) из южной Ликии (П. II. 824–827; 876–877; VI. 196–206).

3. Подобный вывод можно сделать, в частности, на основании анализа частоты упоминаний этнонима (Αβκιοι встречается 43 раза: П. II. 826; IV. 196; V. 174, 673, 676, 695; VI. 188, 194, 225; VII. 13, 173; VIII. 173; X. 430 и т.д.) и топонима (Λυκ.:α встречается 27 раз: П. II. 277; V. 105, 479, 633, 645, 647, 686; VI. 168, 172, 188, 210, 225; XII. 312, 318; XIV. 426; XVI. 437, 455, 514, 541, 673, 683; XVII. 172). Также необходимо отметить, что ликийцы не входят в число главных героев эпоса (ахейцы упоминаются 412 раз, троянцы – 377 раз, Илион/Троя – 258 раз) и не участвуют в событиях, описанных в I, III, VI, XVIII–XVIII песнях. Сопоставление показателей ликийцев и других троянских союзников дает весьма интересные результаты. Один из наиболее хорошо знакомых грекам народов Малой Азии VIII в. до н.э. и позже (карийцы) упоминается в «Илиаде» всего 2 раза, как и гализоны с киконами, лелеги – 3, пафлагонцы и мизы – по 5, фригийцы – 6, меонийцы – 9, пеоны – 11, фракийцы – 22. Таким образом, этноним «ликийцы» фигурирует в тексте поэмы гораздо чаще имен других «славных защитников крепостенной Трои». Аналогичным образом ситуация обстоит с географическими названиями. Гомер указывает на Фракию 6 раз, Фригию – 5, Меонию – 2, Пеонию – 1,

а топонимы Кария и Мисия не встречаются ни разу. Сделанные выводы о значимости ликийских мотивов в «Илиаде» также находят достаточно убедительное подтверждение, если обратиться к анализу деятельности конкретных героев – союзников. Ликийцы и их предводители (Сарпедон, Главк, Пандар) принимают активное участие в батальных сценах (II. V. 95–105, 229–233; XII. 101, 292–303, 310; XVI. 462–561). Неоднократно в эпосе встречается имя ликийского царя «блистательного» Сарпедона (54 раза), воинственного Главка (23 раза), немногим уступает последнему «лучник отменнейший» Ликаонид Пандар (22 раза). Ликийцы практически затмевают иные народы Малой Азии, о подвигах представителей которых почти ничего не известно, а немногочисленные имеющиеся сообщения, как правило, лишь констатируют их гибель в сражениях.

4. Гомер неоднократно упоминает Сарпедона, именуя его сыном Зевса и Лаодамии, внуком Беллефонта (II. II. 876; V. 471; VI. 199; XII. 297; XVI. 419; XVII. 152), который женился на дочери ликийского царя (II. VI. 191–192). Но в греческой легендарной традиции предводитель могущественных союзников троянцев считался не только уроженцем Анатолии. По сведениям, содержащимся в ряде источников, отцом Сарпедона являлся Зевс, а матерью – Европа, которая, находясь на Крите, произвела на свет трех сыновей – Миноса, Радаманта и Сарпедона (Strab. XII. 8. 5; XIII. 1. 6; Apollod. III. 1. 1, 2–4; Paus. VII. 3. 7; Hug. 178; Diod. IV. 60. 1–2; V. 18. 1; Hes. frg. 30. 47). Ликийцы классического периода изображались потомками выходцев с острова (Hdt. I. 173; Strab. XII. 8. 5; XIV. 1. 6; Apollod. III. 1. 1–4; II. 5. 7; Paus. VII. 3. 7). По другому варианту мифа, Европа дает жизнь только Миносу и Радаманту (II. XIV. 321), либо Миносу и Сарпедону (Hdt. I. 173). Таким образом, согласно мифологической традиции, существуют сразу два Сарпедона: критянин, брат Миноса и Радаманта, и ликиец Сарпедон – могущественный союзник Приама. Зачастую у древних авторов прослеживается тенденция к смешению, отождествлению этих персонажей, например у Эсхила в не дошедшей в полном объеме трагедии «Карийцы или Европа» [21, с. 410], вопреки возникающим хронологическим нестыковкам. Предпринимались попытки нивелировать явное хронологическое противоречие. В «Каталоге женщин или эоях», приписываемых Гесиоду, Сарпедон удостоился чести властвовать над «просторной Ликией» (Hes. frg. 47(141). 20–21), владыка Олимпа даровал ему возможность пережить три поколения смертных и «стать для троян отвратителем бедствий» (Hes. frg. 47(141). 23). Аналогичный мотив присутствует и у Аполлодора (Apollod. III. 1. 2), и в схолиях к «Илиаде» (Schol. ad. II. VI. 198–199). Иной вариант выхода из сложившейся ситуации мы находим у Диодора (Diod. V. 79. 3), связавшего двух персонажей узами родства: ликиец Сарпедон стал внуком критянина.

5. Информация о ликийских языках и их изучении приводится, в частности, в следующих работах [22–29].

6. Точная датировка ликийских надписей также представляет собой сложную задачу. Подобного рода

попытки предпринимались [30, р. 49–127], но некоторые зарубежные исследователи отнеслись к ним весьма скептически [1, р. 59; 17, р. 8–9].

7. Краткий обзор археологических раскопок дается в следующих работах [31–34]. О результатах раскопок в Ксанфе см., например, [35–39]. Об археологических раскопках, производимых немецкой экспедицией на территории Кианея, см. [40–45].

8. Данное предположение впервые было высказано Тройбером [16, s. 89–90], а затем поддержано другими исследователями, занимающимися как вопросами гомероведения, так и историей Ликии [5, s. 65; 26, р. 3; 46, s. 58–59; 47, р. 15; 48, р. 148; 49, с. 63; 7, с. 234].

9. Подобные конфликты фиксируются и Полибием (XXII. 5; XXIV. 9).

10. Этот народ достаточно часто упоминается в египетских текстах. Впервые лукка появляются в иероглифической надписи на стеле из Библа, датированной приблизительно 2000 г. до н.э. (небольшие фрагменты данной надписи цитирует Т. Р. Брайс [50, р. 395–396]. Олбрайт выявил в данной надписи имя собственное Kuk(k)un(n)is, носитель которого назван сыном «ликийца». Оно, по мнению исследователя, напоминает ликийское женское имя [25, с. 330–331]. По замечанию Ф. Хоувинка тен Кате, данная надпись обладает большой значимостью, поскольку она свидетельствует о наличии народов лукка на Ближнем Востоке во II тысячелетии до н.э. [26, р. 196].

11. О дискуссиях по вопросу идентификации Аласии с Кипром см. также [51, р. 201–205; 52, р. 44. Not. 1].

12. Термин «лукка», «земли лукка», вероятно, использовался не для идентификации государства с определенной политической организацией, но, по мнению Т.Р. Брайса, употреблялся в отношении конгломерата независимых сообществ, возможно, имеющих тесные этнические взаимосвязи. Брайс ссылается на следующую работу [26, р. 73], где отмечается, что термин «lukka lands» во множественном числе упоминается в источниках только один раз [1, р. 4]. Брайс отмечает, что взаимоотношения между этими объединениями и хеттами носили, по видимому, эпизодический характер. Возможно, они время от времени платили дань хеттскому царю в период нового царства (1460–1180 гг. до н. э.). В хеттских текстах они фигурируют как непокорные и склонные к восстаниям. Ученый отмечает, что лукка впервые упоминаются в хеттских документах в числе антихеттского объединения 22 стран (конфедерация Ашшуву), которым нанес поражение хеттский царь Тудхалиас I (середина XV в. до н.э.) [1, р. 4].

13. О родстве языков говорится, например, в следующих работах [1, р. 2–3; 25, с. 324; 18, р. 61–86; 53].

14. Подобная точка зрения высказывалась, например, следующими авторами [1, р. 3; 49, с. 179; 18, р. 195–196; 54, р. 1–11].

15. В дальнейшем лукка появляются в записях, посвященных битве при Кадеше на реке Оронте (в Сирии) между хеттским царем Муваатталисом и фараоном Рамзесом II. Она произошла на 5-й год нахождения фараона на престоле (ориентировочно 1299 г.

до н.э.) Существуют различные точки зрения по вопросу датировки сражения: 1299 г. до н.э. [55, р. 253], 1286 г. до н.э. [15, р. 35], 1285 г. до н.э. [56, р. 77]. Интересную деталь, с точки зрения анализа политической ситуации в Анатолии, дает нам художественная повесть о сражении при Кадеше, известная под условным названием «Поэма Пентаура». Многочисленные союзники «жалкого поверженного хеттского врага» (Поэма Пентаура, стрк. 41–47) «величественного владыки Египта» (стрк. 7), в том числе и страна лука (стрк. 45–50), были связаны с Муватталисом, по всей вероятности, не только страхом перед силой хеттов, но и прагматическими интересами. «Хеттский враг не оставил серебра в своей стране, он забрал все ее достояние и раздал всем этим странам в дар, дабы сражались они вместе с ним» (Поэма Пентаура, стрк. 52–53, перев. М. А. Коростовцева).

16. Надпись Рамзеса III из храма в Мединет-Абу. Цит. по [57, с. 277–278].

17. О стремлении греков к контролю над территорией юго-западной части Малой Азии см. [58, р. 83–163].

18. Относительно локализации в источниках встречаются две точки зрения: Фаселида располагалась в Ликии (Strab. XIV.3.9 [666]) либо в Памфилии (Aristodem. F 1.45; Mela. I. 13; Plin. HN. V. 26. 96; Ath. VII. 42).

19. Следует отметить, что Фаселида оставалась греческим городом, отличным в культурном плане от остальной части Ликии даже в период господства Ахеменидов [34, р. 121; 1, р. 38], её население было дорийским (Hdt. II.178; Plut. Cim. 12).

Список литературы

1. Bryce T. R. The Lycians: A study of Lycian history and civilization to the conquest of Alexander the Great. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1986. Vol. I. 275 p.
2. Alexandri Polyhistoris fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum. Paris, 1845. Vol. III. P. 236. Frg. 84.
3. Menecratis fragmenta // Asheri D. Fra ellenismo e iranismo. Studi sulla societa e cultura di Xanthos nella eta Achemenide. Bologna: Patron editore, 1983. P. 175–178.
4. Bergk Th. Griechische Literaturgeschichte. В.: Weidmann, 1872. Bd. I. 678 s.
5. Bethe E. Homer. Dichtung und Sage. Leipzig; В., 1914. Bd. I. 348 s.
6. Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 557 с.
7. Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII в. до н.э.). Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1951. 268 с.
8. Брэстед Д.Г. История Египта с древнейших времен. М., 1915. С. 283.
9. Стучевский А.И. Древний Египет // Междоударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М.: Наука, 1987. С. 35–51.
10. Knudtzon J.A. Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig: Hinrichs, 1915. 503 s.
11. Mercer S.A.B. The Tell-El-Amarna Tablets. Toronto: Macmillan, 1939. 909 p.
12. Breasted J. H. Ancient Records of Egypt. Chicago: University of Illinois Press, 1906. Vol. III. 574 p.
13. Авдиев И. В. Военная история Древнего Египта. М., 1959. Т. 2. С. 188.
14. Восток в древности. М.: Восточная литература, 2000. С. 120, 143.
15. Sandars N. K. The Sea Peoples. Warriors of the ancient Mediterranean, 1250–1150 BC. L.: Thames & Hudson, 1978. 205 p.
16. Treuber O. Geschichte der Lykier. Stuttgart, 1887. 457 s.
17. Keen A. Dynastic Lycia: A political history of Lycia and relations with foreign powers (545–362 B.C.). Leiden: Brill, 1998. 268 p.
18. Houwink ten Cate Ph.H.J. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden: Brill, 1961. 243 p.
19. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Наука, 1990. 270 с.
20. Hill G. F. Catalogue of Greek coins in the British Museum. Catalogue of the Greek coins of Lycia, Pamphylia and Pisidia. L.: Macmillan, 1897. 345 p.
21. Ярхо В.Н. Сарпедон // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. М., 1997. Т. 2. С. 410.
22. Айхенвальд А.Ю., Баюн Л.С., Иванов В.В. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в Малой Азии II–I тысячелетий до н.э. // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 4–97.
23. Айхенвальд А.Ю., Баюн Л.С., Иванов В.В. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии II // Исследования по эпиграфике и языкам Древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 2–250.
24. Айхенвальд А.Ю., Баюн Л.С., Иванов В.В. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии III // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 201–267.
25. Нойман Г. Ликийский язык // Древние языки Малой Азии. М.: Прогресс, 1980. С. 322–357.
26. Houwink ten Cate Ph. H. J. The records of the Early Hittite Empire. Istanbul: Nedelands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1970. 278 p.
27. Sevorskin V.V. Zur hethitisch-luwischen Lexik // Orbis. 1968. Bd 17. S. 467–491.
28. Sevorskin V.V. Karisch, Lydisch, Lykisch // Klio. 1968. Bd. 50. S. 53–69.
29. Sevorskin V.V. Lykisch und andere spatantolische Sprachen // Akten des II. Internationalen Lykien-Symposiums. Wien, 6–12. Mai 1990. Wien, 1993. Bd. I. S. 39–52.
30. Laroche E. L'inscription lycienne // Fouilles de Xanthos VI: la stèle trilingue du Letoon. P., 1979. P. 49–127.
31. Akurgal E. Treasures of Turkey. Geneva, 1966. 348 p.

32. Bean G. E. Lycian Turkey. An archaeological guide. L.: Benn, 1978. 197 p.
33. Bean G.E. Turkey beyond the Maeander. An Archaeological Guide. L.: Benn, 1980. 201 p.
34. Bean G. E. Aegean Turkey. L.: Benn, 1979. 178 p.
35. Demargne P. Les piliers funeraires // Fouilles de Xanthos I. P., 1958. P. 2–57.
36. Metzger H., Coupel P. L'acropole lycienne // Fouilles de Xanthos II. P., 1963. P. 3–201.
37. Metzger H., Coupel P. Les ceramiques archaiques et classiques de l'acropole lycienne // Fouilles de Xanthos IV. Paris, 1972. P. 4–189.
38. Metzger H., Coupel P. La stele trilingue du Letoon // Fouilles de Xanthos VI. P., 1979. P. 29–48.
39. Bousquet J. Les inscriptions du Letoon en l'honneur d'Arbinas et l'epigramme grecque de la stele de Xanthos // Fouilles de Xanthos IX: La region nord du Letoon – les sculptures – les inscriptions Greco-lyciennes. P., 1992. P. 155–187.
40. Lykische Studien I: Die Siedlungskammer von Kyaneai / Ed. F. Kolb. Bonn, 1993.
41. Lykische Studien II: Forschungen auf dem Gebiet der Polis Kyaneai in Zentrallykien / Ed. F. Kolb. Bonn, 1995.
42. Zahle J. Archaic Tumulus Tombs in Central Lycia // Acta Archaeologica. 1975. Vol. 46. P. 312–350.
43. Zahle J. Lycian Tombs and Lycian Cities // Actes du colloque sur la Lycie antique. P., 1980. P. 37–49.
44. Keen A. The Dynastic Tombs of Xanthos – Who Was Buried There // Anatolian Studies. 1992. Vol. 42. P. 53–63.
45. Keen A. The Tombs of Lycia: Evidence for Social Stratification // The Archaeology of Death in the Ancient Near East. Oxford, 1995. P. 221–225.
46. Frei P. Die Lykier bei Homer // X International Congress of Classical Archaeology. Ankara, 1978. S. 57–95.
47. Kirk G. S. The songs of Homer. Cambridge: University press, 1962. 480 p.
48. Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley–Los Angeles, 1959. 453 p.
49. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. 326 с.
50. Bryce T. R. The Lukka problem and Possible solution // Journal of Near Eastern studies. 1974. Vol. 33. P. 395–404.
51. Catling H.W. Cyprus in the Late Bronze Age // Cambridge ancient history. Cambridge, 1975. Vol. II. Pt. 2. P. 188–216.
52. Knapp A.B. Alasia and Hatti // Journal of cuneiform studies. 1980. Vol. 32. P. 43–47.
53. Laroche E. Comparaison du louvite et du lycien // Bulletin la Societe de linguistique de Paris. 1957. Vol. 53. P. 159–197; 1960. Vol. 65. P. 155–185.
54. Bryce T. R. The role of the Lukka people in Late Bronze Age Anatolia // Antichthon. 1979. Vol. 13. P. 1–11.
55. Austor M.C. New evidence on the last days of Ugarit // American Journal of Archaeology. 1965. Vol. 49. P. 249–258.
56. Goedicke H. The Battle of Kadesh: A reassessment // Perspectives on the battle of Kadesh. Baltimore, 1997. P. 75–169.
57. Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности: (От первых поселений до персидского завоевания). М.: Наука, 1989. 413 с.
58. Graham A.J. The colonial expansion of Greece // Cambridge ancient history. Cambridge, 1975. Vol. VIII. Pt. III. P. 83–163.

CONFLICT BETWEEN THE LYCIANS AND RHODES
(according to the Homeric Iliad)

A.N. Gorozhanova

Lycians were an important part of the Greek and the Near Eastern worlds, living at the point where the two cultures intermingled. The evidence for Lycian history is patchy, therefore it seems important to pay special attention to the antique tradition. In the Iliad, the Lycians figure as the most prominent of Troy's allies. They were involved in the conflict with Rhodes. This fact was mentioned in the Homeric tradition. The article is focused on the causes of this conflict.